

Максим Горький

Убежал

Максим Горький

Убежал

«Public Domain»

1893

Горький М.

Убежал / М. Горький — «Public Domain», 1893

Впервые напечатано в нижегородской газете «Волгарь», 1893, номер 303, 23 декабря; номер 307, 29 декабря; номер 309, 31 декабря. Четвёртый рассказ из серии «Маленькие истории». Рассказ в собрания сочинений не включался. Печатается по тексту газеты «Волгарь».

Содержание

Убежал	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Убежал

Прошлявшись весь день по городу, голодный и озябший, Рыжик к ночи зашёл на какой-то двор, загромождённый горами старого леса, и, найдя между брёвен и досок уголок, показавшийся ему достаточно незаметным для ночных сторожей и полицейских обходов, сунул в него своё отошавшее от голода и распатанное четырёхмесячною болезнью тело, загородился от ветра досками и, пытаясь забыть о голоде, резавшем его внутренности, сжался в плотный маленький ком и задумался.

За четыре месяца, проведённые им в тошнотворных жёлтых стенах больницы, в борьбе с тифом и культурой в лице доктора и условиями больничного лечения, он привык думать подолгу и помногу, и эти думы, оставляя в его груди скверный и горький осадок, создали ему острое и злое настроение и какой-то вызывающий, воинственный тон по отношению ко всему существующему.

Этот тон и настроение прежде всего привели Рыжика к ссоре с больничной прислугой, затем вчера, по выходе из больницы, к более важной для него ссоре с нужным человеком Мишкой Ефрейтором, одним из пособников по сбыту краденого. Рыжик пришёл из больницы прямо к нему с целью взять маленький аванс в счёт будущих операций с чужой движимой собственностью, но Мишка, посмотрев на худую, иссушённую тифом фигуру старого клиента, отнёсся к нему скептически, заявив, что едва ли можно будет скоро получить с него сумму, которую он просит, потому что на его, Мишкин, взгляд – Рыжиково дело плохо, здоровье-то всё вышло да, надо думать, и уменье с собой унесло.

Это оскорбило Рыжика, хотя в другое время он не оскорбился бы гораздо бóльшим.

– Ну, и что ж ты полагаешь? Не гожусь я, что ли, больше? – задорно и зло блестя глазами, спросил он Мишку.

– Не то, чтобы... а всё-таки... – неопределённо ответил тот, уставив свои маленькие глазки в закопчённый потолок принадлежащего ему кабака.

– Нет, ты скажи мне, по-твоему, мне теперь на печку, и всё уж? – допрашивал Рыжик, чувствуя, что в его груди что-то клокочет и просится из неё на волю потоком злых ругательств.

Мишка открыл ящик с «выручкой» и молча зазвенел медяками. Рыжик крепился и ждал... Но, глядя на сытую, крепкую фигуру Мишки, тепло и чисто одетого, на его красное, здоровое лицо, до глаз заросшее чёрной кудрявой бородой, и на эти глаза, маленькие, острые, сверкавшие спокойно и довольно из-под красиво нахмуренных чёрных бровей, – Рыжик ощутил в себе настоятельную потребность сказать этому сытому человеку что-нибудь злое и обидное.

– Поди ж ты вот! – начал он, глядя в угол и как будто думая вслух. – Одному человеку воровство впрок, а другому кости сушит только.

– Это ты про кого? – спросил Мишка, пытливо оглядывая клиента.

– Говорю-то про кого? Про одного знакомого... А ты думал, про тебя?

Похоже, значит!

И, произнеся это, Рыжик зло усмехнулся в лицо Мишки. Мишка спокойно смерил взглядом стоявшего против него длинного и худого человека в рваных лохмотьях, с зелёным иссохшим лицом и невольно вздрогнул. Тот смотрел на него упорно, и его глаза сверкали так ярко, точно хотели что-то сжечь, а стиснутые зубы, резко обрисовав худобу щёк и острые скулы, придали лицу какое-то непримиримое и хищное выражение.

– Гм! – буркнул Мишка и, побуждаемый желанием отделаться от посетителя, протянул ему руку с медяками и заговорил: – Возьми вот! А из больницы ты рано вышел. Плох.

– Это тут сколько? – нервно отрывая от своей рвани лохмот, спросил Рыжик.

– Тут-то?.. Полтина...

Тогда Рыжик, не протягивая руки к деньгам, громко засмеялся и, весь трясаясь от смеха и обуревавшей его злобы, стал выкрикивать звонкими, высокими нотами:

– Спасибо! Оставь себе на саван!.. Жидомор ты!.. Хапуга!.. Грабитель!..

С каждым резким словом его как-то встряхивало, и, выкрикивая одно и то же слово несколько раз, наконец, крича что-то совсем уже несообразное и непонятное, он стал перегибаться через отделявший его от Мишки прилавок с очевидным намерением вцепиться Мишке в бороду...

Если б в тот момент Мишка догадался спросить Рыжика, что обидного видит он в предложении полтины, Рыжик не сумел бы ответить на этот вопрос и, смущённый им, наверное бы успокоился. Но Мишке, брезгливо смотревшему на своего разбитого болезнью клиента, не пришло в голову такого вопроса, и, не ощущая в себе ничего, кроме настоятельной потребности поскорее отделаться от Рыжика, он отвечал на его ругань суровым и холодным тоном сытого человека:

– Ну, ты, брат, вот что, – сказал он Рыжику, когда тот перестал уже кричать и, задыхаясь, кашляя и скрипя зубами, упал на прилавок, – ты уходи прочь. Слышишь?!

Пшёл!.. Орать тут нечего. Думать – думай, что хочешь, но про себя, а орать ты не можешь. А ежели ты не уйдёшь, можно вытолкать в шею... а то, так полицейского пригласить...

– Полицейского?! – прошептал Рыжик, поражённый. Мишка Ефрейтор, старый, известный полиции покупатель краденого, человек, судившийся у всех мировых города, – позовёт полицейского для того, чтоб отправить в часть его, Рыжика, делавшего с ним, этим Мишкой, большие дела!.. Полицейского, их общего врага!!.

Мишка спокойно задвинул «выручку», повторил Рыжику ещё раз: «Пошёл вон, ну!» и, скрестив руки на груди, опёрся спиной на полку с бутылками, сурово поглядывая на Рыжика.

Рыжик был ошеломлён его спокойствием. Он растерянно оглянулся вокруг себя.

Кабак был пуст и ещё холоднее и спокойнее своего хозяина смотрел на Рыжика закуренными и закопчёнными стенами.

– Уйду! Давай мне полтину! – глухо сказал он Мишке.

– Ну, я, брат, тебе не должен, – зевнув, ответил тот.

– Как это? – спросил Рыжик и, поняв ответ в угрожающем движении, сделанном Мишкой к нему, махнул рукой и, шатаясь, пошёл к двери.

– Подлец ты, Михаил! – обернувшись в дверях, простился он с старым товарищем и, хлопнув во всю мочь дверью, ушёл.

Эта сцена на несколько времени подавила его злобное настроение. Он долго ходил по городу, разыскивая товарищей, никого не нашёл и, наконец, снова разозлившись, усталый, голодный и иззябший, забился в штабель леса, намереваясь переночевать в нём.

Сквозь щели между досками ему было видно матовое зарево от городских фонарей; лохматые, тяжёлые тучи, слабо освещённые им, быстро бежали куда-то, гонимые сырым и холодным осенним ветром. От ударов ветра в доски штабеля по пустырю носились гулкие звуки...

Стараясь как можно плотнее закутаться в свои лохмотья, Рыжик вертелся с боку на бок и, чувствуя, что голод с каждым часом всё сильнее режет ему внутренности, прислушивался к боли и думал. Никто из товарищей за четыре месяца его болезни не пришёл к нему справиться о его положении, никто, точно их и не было на свете!..

А они были. И с поразительной ясностью перед ним вставали их отрёпанные волчьи фигуры, одна за другой, со всеми особенностями физиономии, речи и специальности каждого.

Каждый из них почему-то представлялся ему «за своим делом».

Вот Курдик – специалист по просушке белья. Тонкая фигура на поражённых ревматизмом длинных дрожащих ногах, хищно согнувшись, тихо крадётся вдоль забора к верёвкам с развешенными на них простынями, рубахами и платками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.